УДК 316.77
DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10402

И. В. Гужова
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ГРАМОТНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Используя социальные сети в учебных целях, педагоги берут на себя ответственность за формирование социально-сетевой цифровой грамотности – своей и молодежи. Однако представители цифрового поколения являются более активными и продвинутыми пользователями социальных сетей и не воспринимают учителей и преподавателей в роли наставников. В статье сделан обзор последних исследований, которые раскрывают проблемные аспекты этого цифрового разрыва. Также представлены результаты исследования в виде фокус-группы со студентами, которые описывают свой личный опыт освоения пространства социальных сетей. Выявляются референтные для молодежи группы и факторы, которые влияют на повышение уровня их цифровой грамотности в социальных сетях.

Ключевые слова: цифровая грамотность, социальные сети, «культура участия», молодежь.

Вынужденный переход на дистанционный формат обучения продемонстрировал практическую значимость научных исследований, а также продуктивность образовательных проектов и программ, которые осуществлялись в последние годы в России с целью решения проблемы формирования цифровой грамотности – прежде всего учащихся и педагогов школ, училищ и вузов.

Ситуация пандемии создала условия, когда сетевое общение «цифровых аборигенов» и «цифровых иммигрантов» (М. Пренски) перестало быть областью образовательного новаторства и экспериментов, став повседневной практикой. В целом, вузы оказались готовы к переходу «в онлайн» [9]. Школы также достаточно быстро справились с техническими и методическими сложностями ведения дистанционных уроков [3]. Освоение учебно-дидактических возможностей онлайн-платформ, предложенных вузам и школам для организации дистанционного учебного процесса, оказалось «делом техники». Уязвимыми же оказались образовательные моменты, требующие оперативной интерактивной коммуникации: используемые ранее способы взаимодействия потребовали бо́льших эмоциональных затрат от всех участников общения; технологически доступные образовательные платформы оказались неудобными для работы в микрогруппах, выполнения заданий на командообразование и т. п.; из-за возросших объема и скорости обмена информацией стало не хватать привычных электронных каналов обратной связи. Одним из способов технологического решения этих педагогических вызовов явилось использование популярных социальных сетей общения (преимущественно ВКонтакте) в учебных целях.

Если мы обратимся к профессиональному интернет-дискурсу педагогов, то увидим, что многие учителя и преподаватели давно и успешно используют социальные сети не только для поддержания обратной связи с учениками, но организуют там проектную деятельность, делятся полезным контентом с коллегами и пр.

Согласно результатам опроса студентов НИ ТГУ[1], *социальные сети использовались многими преподавателями* для обратной связи наравне с такими каналами, как LMS Moodle и электронная почта *еще до весеннего перехода на дистанционное обучение*. Это подтвердили около 80 % опрошенных студентов. Из ответов 38,9 % респондентов следует, что некоторые преподаватели предложили использовать ВКонтакте в качестве оперативного канала связи, когда обучение стало

[1] Анкетный гугл-опрос проводился в апреле 2020 г. В опросе приняли участие 54 студента-первокурсника Национального исследовательского Томского государственного университета разных направлений подготовки бакалавриата.

протекать исключительно в онлайн-режиме. 96 % участников опроса сообщили, что «для учебы» они чаще всего используют социальную сеть ВКонтакте.

Самые распространенные форматы взаимодействия преподавателей со студентами: отправка заданий и комментирование (77,8 %), переписка в беседе или личных сообщениях (72,2 %). В основном преподаватели используют сети для консультирования студентов, часто делятся с ними полезным контентом. Гораздо реже организуют групповую работу и дают творческие задания на платформе социальной сети.

Если посмотреть, как сами студенты используют ВКонтакте «для учебы», то выясняется, что 96,3 % опрошенных регулярно ведут переписку в беседе с одногруппниками, 94,4 % – обсуждают там задания, 70 % – консультируют друг друга. Они также активно обмениваются полезным контентом и часто выполняют работу сообща, в группе.

На открытый вопрос «Изменилось ли ваше отношение к той или иной социальной сети после того, как там «появился» преподаватель и начал использовать как площадку для связи с вами?» только один респондент ответил, что «ВК стал слишком официальным». Еще один студент пожаловался: «Каждый преподаватель понасоздавал групп своих, а следить за этим сложно, захламляет только все» (сохранена стилистика и орфография респондента). Подавляющее большинство первокурсников ответили практически одинаково. Их отношение не изменилось. Пояснения варьировались: «Нет, не изменилось, мы общаемся исключительно в рамках учебы», «Нет, ведь это очень удобно», «На моей странице нет ничего такого, чего не следовало бы видеть преподавателю».

Результаты опроса позволяют предположить, что студенты и преподаватели вуза «морально» готовы к использованию социальных сетей в образовательных целях. Учитывая тот факт, что выборку респондентов опроса составляли первокурсники, можно полагать, что к обучению посредством социальных сетей готовы и старшеклассники.

Мы сознательно, в силу масштаба исследовательской проблемы, обходим вниманием начальную школу, хотя именно там при переходе «на дистант» проблемным вопросом оказалась настройка двусторонней коммуникации учителей и учеников – такие коммуникативные каналы, как мессенджеры, электронная почта и электронный дневник младшие школьники могли использовать только при посредничестве родителей [3].

Тем не менее, эта ситуация только подчеркивает актуальность *проблемы данного исследования* – требует обоснования роль «взрослых», старших участников сетевой коммуникации – родителей, учителей, преподавателей – в процессе формирования цифровой грамотности детей и молодежи. Являются ли эти группы референтными для «цифровых аборигенов» в вопросах сетевых коммуникаций? Должны ли и могут ли они выполнять наставническую миссию или в культуре социальных сетей все равны?

С одной стороны, социальные онлайн-платформы были созданы для оперативной связи, активного социального взаимодействия и коллективного творчества. В этой связи нельзя упускать их потенциал как пространства, в котором можно использовать самые актуальные образовательные технологии. Возможности обучения посредством социальных сетей подтверждают стремительно развивающиеся образовательные тренды на стыке технологий Social Learning и E-Learning 2.0. В первую очередь, преимущества этих технологий оценили крупнейшие корпорации мира, которые искали новые способы повышения квалификации своих работников в стремительно меняющуюся цифровую эпоху. В социальных сетях и мессенджерах обмен информацией и опытом, интерактивные дискуссии, коллаборация и совместное создание контента между и внутри профессиональных групп превращают сетевые сообщества в обучающие сообщества. Популярность такого подхода к развитию сотрудников говорит о том, что навыки обучения через взаимодействие в социальных сетях будут востребованы работодателем, а, следовательно, этому необходимо учить в школе и вузе.

По мнению профессора Г. Дженкинса, авторитетного американского исследователя медиа- и информационной грамотности, *только через «культуру участия»*, которая предполагает формальное и неформальное членство в онлайн-сообществах, создание новых творческих форм, совместную работу в команде по создании ценности, свободный обмен и трансляцию полезной информации, *возможно формирование* всех тех знаний, умений и навыков, которые образуют *понятие цифровой грамотности в эпоху Web 2.0* [11]. Развивая подобную культуру, система

образования сможет не только преодолеть свой формализм, но и сформировать цифровую грамотность молодежи релевантную вызовам информационно-сетевого общества.

С другой стороны, социальные сети не создавались как образовательная платформа. Для большинства участников сетевого общения – это пространство свободного общения, самовыражения и самопрезентации.

Опыт внедрения социального сетевого обучения в корпорациях выявил такой риск, что не все организации готовы к свободе и открытости, без которых социальное сетевое обучение не даст нужных результатов. На это препятствие к продуктивному использованию социальных сетей в общеобразовательной системе указывает одно из недавних исследований: «Основным барьером на пути развития такого рода интеллектуальных сетей оказывается не отсутствие высокоскоростного доступа в интернет и даже не «цифровой разрыв» между интернет-поколением школьников и их учителями, который уже стал сокращаться. Гораздо более существенным препятствием является закрытая корпоративная культура общеобразовательных учреждений. Нередко даже в передовых лицеях и гимназиях царствует философия «осажденного замка», мешающая использовать образовательные возможности сетевого мира. Между тем, в условиях сетевого общества все более востребована способность выявлять через социальную сеть и аккумулировать коллективный опыт, а также умение прогнозировать события и явления, опираясь на экспертные оценки участников сети» [8. С. 135].

Коммуникация в социальных сетях протекает по особым правилам, подчиняется своим нормам, требует знания грамматики сетевого общения. Молодые люди как самые активные пользователи социальных сетей с легкостью осваивают эту грамматику в ходе повседневного виртуального общения. Те, кто попал в пространство социальных сетей уже в зрелом возрасте (цифровые иммигранты), не имел опыта спонтанной виртуальной инкультурации. Освоение цифровых технологий и сетевых форм коммуникации для них – непростая задача.

Существует ряд отечественных и зарубежных исследований, в которых проблематизируется *тема наставничества и референтных групп в процессе формирования цифровой грамотности у детей и подростков*. В этом контексте взрослым, в частности, родителям и педагогам, еще надо доказать свое преимущественное право на менторство в сетевой «культуре участия».

Множество исследований проведено Фондом развития интернета под руководством Г. У. Солдатовой. В 2013 году поднимая вопрос о формировании цифровых компетенций детей, исследователи заявляют: «*Уже третье поколение пользователей овладевает цифровыми компетенциями наедине с собой,* не имея возможности регулярно и систематически обсуждать интернет, сравнивать свои цифровые знания и умения с уровнем сверстников, родителей и экспертов. Знания об интернете получаются «на ощупь», вне диалога и рефлексии. Подростки самостоятельно научились искать в интернете информацию и завязывать знакомства. Но, оставаясь один на один с Сетью, очень трудно критически оценивать найденное и осваивать создание своего контента и взаимодействие с интернет-сообществами» [8. С. 134].

В 2018 году, подводя итоги многолетних исследований, Г. У. Солдатова среди прочих выделила такие особенности взросления детей в цифровой среде, как активное самостоятельное и стихийное освоение и использование подростками всех доступных онлайн-ресурсов как источников развивающего, обучающего и развлекательного контента и площадок онлайн-коммуникации; закрепление за социальными сетями статуса важнейших для подростков площадок самопрезентации, освоения различных социальных ролей, экспериментирования с идентичностью и самореализации; значительное расширение круга социального капитала подростков за счет онлайн-контактов, в том числе слабых связей за счет «незнакомых друзей», с которыми не было опыта общения в реальной жизни. Она также говорит о том, что цифровой разрыв между поколениями детей и родителей не устранен*, взрослые так и не могут выступать в роли экспертов эффективного и безопасного использования цифровых технологий*. Несмотря на готовность учителей молодого и среднего возраста, в целом, система образования не готова к изменениям цифрового общества [5].

Одной из причин тех противоречий, которые формируются вокруг оценок цифровой грамотности детей и взрослых, является фокус их внимания и приложения усилий. Г. У. Солдатова пишет: «Для подростков все-таки одной из ведущих деятельностей в сети выступает коммуникация. Это создает определенный разрыв между детьми и учителями в

овладении цифровыми орудиями, поскольку *их внимание распределяется между разными задачами и, следовательно, пространствами в сети*» [4. С. 382].

Исследование НАФИ 2019 года показало, что индекс цифровой грамотности у учителей и преподавателей вузов, в целом, выше, чем у их учеников, особенно в сферах информационной и компьютерной грамотности (хотя не уточняется, в использовании каких конкретно цифровых технологий преуспевают педагоги). Однако, как отмечено в отчете, *в отношении к технологическим инновациям молодежь демонстрируют более высокий по сравнению с педагогами результат* [7].

Коллектив ученых НИ ТГУ готовит к публикации результаты масштабного исследования феномена сопротивления цифровизации, которое подтверждает «поколенческую неоднородность» в отношении принятия цифровых инноваций. Представители среднего и старшего возраста, участвуя в исследовательских мероприятиях, отметили роль семьи как канала диффузии цифровых инноваций, когда *передача навыков цифровой грамотности происходит от младших членов семьи к старшим* [6].

Американские исследователи посвятили три года изучению социального сетевого взаимодействия молодежи и пришли к новому пониманию обучения и формирования цифровой грамотности. Ученые собрали большой этнографический материал о том, что *дети учатся в интернете у своих сверстников*, в то время как взрослые склонны видеть в этом общении бесполезную трату времени. По наблюдениям исследователей, нормы общения и предпочтительные способы взаимодействия в социальных сетях стремительно меняются и могут различаться даже в пределах близких поколений. В этом плане, формирование стандартов цифровой грамотности представляется неблагодарным делом. Ключевые термины их исследовательской парадигмы – «жанры участия», «сетевая общественность», «взаимное обучение» и «новомедийная грамотность». Последний, в отличие от «старой» грамотности, предполагает *маргинализацию «взрослых учреждений»* (школа, семья), *которые традиционно определяли стандарты грамотности*. Это не означает, что новые медиа – пространство исключительно молодежи, но она играет важную роль в этой новой культуре [12].

Однако *оставлять молодежь в социальных сетях «наедине с собой» слишком безответственно*, считает американский эксперт по молодежной культуре и технологиям Д. Бойд. По ее мнению, многие из сегодняшних подростков действительно глубоко увлечены социальными сетями и являются активными участниками сетевой коммуникации, но это не означает, что они обладают знаниями или навыки, чтобы максимально полезно использовать их для решения различных задач онлайн. Более того, Д. Бойд предостерегает, что отсутствие педагогов в процессе развития цифровых компетенций у молодежи может порождать одну из форм цифрового неравенства, когда привилегированная молодежь будет иметь больше возможностей для развития этих навыков за пределами класса [10].

Критически подошли к цифровому «превосходству» молодежи и авторы исследования, проведенного в НИУ ВШЭ. Они приводят ряд аргументов, развенчивающих миф о том, что поколение Z лучше взрослых владеет современными информационными технологиями. Тем не менее, они призывают подвергнуть сомнению устоявшийся в научном дискурсе «*поколенческий» подход,* который, по их мнению*, приводит к стереотипизации и негативизации образа подростка в современном обществе* [2].

Таким образом, анализ современной практики, исследований и научного дискурса позволяет увидеть, что нет единого мнения относительно «экспертности взрослых» в деле формирования цифровой грамотности молодежи в социальных сетях. При этом сам концепт цифровой грамотности применительно к социальным сетям требует конкретизации. Наша исследовательская группа посвятила последние два года научной работы уточнению *модели социально-сетевой цифровой грамотности* как парциальной грамотности, входящей в общий комплекс цифровых компетенций и цифровой грамотности. Итогом работы стала публикация ряда статей и монография, в которой предлагается модель, описывающая компетенции и субкомпетенции, присущие «продвинутым» пользователям социальных сетей [1]. Важно отметить, что на пути к конкретизации этих компетенций мы отталкивались от общепризнанной концепции цифровой грамотности (ЮНЕСКО), при этом, активно вовлекали в исследование студентов. Нынешние студенты – это поколение первых цифровых аборигенов в России. Множество качественных

исследований, респондентами которых были «продвинутые» пользователи социальных сетей, позволили детализировать модель виртуально-сетевой грамотности сквозь призму молодежной «культуры участия».

Продолжая исследования, мы сосредоточились на *проблеме наставничества в процессе формирования цифровой грамотности в социальных сетях и референтных для молодежи групп*. В мае 2020 года была организована фокус-группа на платформе социальной сети ВКонтакте (в формате закрытого онлайн-мероприятия). Участниками фокус-группы стали 14 студентов-первокурсников бакалавриата и магистратуры томских вузов различных направлений подготовки. Цель фокус-группы – уточнить, что или кто оказывал влияние на процесс повышения их цифровой грамотности в ходе освоения социальных сетей. Среди задач – выяснить роль сверстников, родителей, учителей, преподавателей, других инфлюенсеров в процессе виртуальной инкультурации детей и молодежи.

Респонденты из числа первокурсников магистрантов (22–23 года) вспоминают, что им было 10–12 лет, когда у них появился первый аккаунт в социальных сетях. Это были сети Мой мир, Одноклассники, чуть позже ВКонтакте. Первый курс бакалавриата (18–19 лет) уже не знал такой сети, как Мой мир, потому что ее популярность быстро затмили Одноклассники и ВКонтакте. Их первые аккаунты были созданы, когда им было всего 8–10 лет. Стоит отметить, что для регистрации в социальных сетях практически никому не понадобились родители. Д. П., 23 года: «Где-то в 10 лет создала почту mail.ru и там был мой мир, лет в 11–12 появился ВК. Почта нужна была, чтобы зарегистрироваться на каком-то сайте, не помню на каком. Знакомых и друзей в тот момент там либо не было, либо я об этом не знала. *Первые пару лет старалась не добавлять в друзья знакомых из реальной жизни*. Можно было создавать свой аккаунт *без разрешения взрослых*. Мама видела, что я регистрирую почту, была не против, только не понимала, зачем она мне»; О. К., 23 года: «Первый аккаунт создала в VK классе в 5 (около 11 лет). Было просто интересно узнать, что это. Уже не помню, как много там было знакомых людей, но они были. В тот момент даже не задумывалась, достаточно ли мне лет для регистрации. Судя по тому, что все прошло успешно*, никаких данных взрослого не требовалось*. Если все правильно помню, регистрация была очень простой, даже если использовалась электронная почта. *Родители были не в курсе, они далеки от этого*»; С. Л., 23 года: «Это было модно и конечно мне тоже хотелось быть там, где все. Быть в теме. Я очень самостоятельная, поэтому *я ни у кого ничего не спрашивала и всё сделала сама*»; А. Л., 18 лет: «Первый аккаунт создала в одноклассниках в 4 классе (9лет). *Подтолкнули одноклассницы, чтобы вместе играть в онлайн-игры*. В этой сети было достаточно много моих друзей. Для регистрации я точно не помню, важен ли был возраст. Родители отреагировали нейтрально»; М. С., 18 лет: «Свой первый аккаунт создала, когда была в 4 классе (9–10лет). *Многие мои друзья уже были в сети ВКонтакте*, поэтому мне не составило труда найти круг общения, *хотелось быть «в тренде*». Родители не были против, так как я объяснила для чего мне это и не проводила в сети слишком много времени, так что поводов для беспокойства у них не было, зарегистрировалась сама, по номеру телефона, только *возраст пришлось ставить ненастоящий*, так как не хватало пару лет» (сохранена стилистика и орфография респондентов).

Тем самым, мы видим, что регистрация и первые шаги в социальных сетях происходила без вмешательства и помощи взрослых, несмотря на то, что платформы имеют возрастные ограничения. Социальные сети привлекают детей общением со сверстниками, возможностью расширить круг знакомств и поиграть в сетевые игры.

Новое сетевое пространство, вспоминают респонденты, осваивалось ими преимущественно самостоятельно. Это не вызывало никаких трудностей. Мало кто обращался за советом к старшим. Никто из родителей не ограничивал детей в их желании пользоваться социальными сетями. Д. П., 23 года: «Разделом помощь не пользовалась, *было все интуитивно понятно*, наверно. Правда долгое время не понимала, зачем нужны были новости ВК, не была подписана на группы, играла в игры в приложениях, в основном все было просто, думаю, разбиралась в соцсетях лучше, чем мои родители»; Е. М. 23 года: «Мне *помогала подруга*, но в основном я *ориентировалась на ощупь*»; И. Т., 23 года: «Немного помогала моя тётя (мамина сестра), конечно, в большинстве срабатывал метод тыка. *Случайно не боялась что-то сделать*, в принципе, мне кажется, что раньше социальные сети были безопаснее для детей, чем сейчас. Все было просто и очень

интересно – ты пытаешься найти нужного человека среди множества людей. Это было *похоже на игру*. Свободу никто не ограничивал, родители мне доверяли»; А. Л. 18 лет: «Я не пользовалась поддержкой. *Училась методом тыка и ничего не боялась*! Обращалась к друзьям. Все было достаточно примитивно» (сохранена стилистика и орфография респондентов).

Вопросы безопасности детей в социальных сетях в те годы, когда их осваивало первое цифровое поколение россиян, только начинали обсуждаться в профессиональных сообществах. Чувствовали ли какие-то угрозы юные пользователи социальных сетей? Е. М., 23 года: «В подростковом возрасте я никогда *не задумывалась об угрозах безопасности*, наверное, потому что не делала ничего, что могло бы ей угрожать. Но я слышала чужие истории, и просто «*мотала на ус*». Сейчас я действительно больше уделяю внимание безопасности в сети, поскольку сейчас уже можно привязывать свои карты и информацию о себе в каких-либо приложениях, в связи с чем увеличились мошеннические операции. Сейчас я более осторожна»; С. Л., 23 года: «Я *не задумывалась* над темой безопасности в сети и никаких действий не предпринимала никогда. Сейчас я также не особо заморачиваюсь, что меня могут взломать или что я выложу что-то не то»; Е. В., 23 года: «Когда я была подростком, я *задумывалась об угрозах – многое слышала, читала в интернете*. Поэтому я принимала в друзья только тех, кого хорошо знала»; А. Г., 23 года: «В подростковом возрасте я не особо задумывалась, кого добавлять, а кого нет. *Одобряла запросы всем, кто их отправлял.* Раньше было модно иметь большое количество «друзей», даже если на самом деле вы не общаетесь. Сейчас уже отношусь к этому более осознанно, никогда не добавляю людей, которых не знаю в реальной жизни и периодически провожу чистку «друзей» от тех, с кем уже давно не общаюсь»; Н. С., 19 лет: «Старался не добавлять свои личные фото, не принимал незнакомых людей. У меня была отдельная страница для игр, там было около 10 000 друзей. *Спустя какое то время меня взломали.* Теперь стараюсь не размещать ту информацию, которую не хотел бы увидеть взломанной» (сохранена стилистика и орфография респондентов). Как видно из ответов, подростки, как и в реальной жизни, по-разному относились к вопросам безопасности. Кто-то учился на собственном печальном опыте, кто-то изначально старался обезопасить свое сетевое пространство, а кто-то до сих пор не видит никаких угроз собственной безопасности в социальных сетях, это не означает, что они не знают о способах безопасного общения в сети. Но в контексте нашего исследования важно отметить, что никто из взрослых не контролировал «сетевую жизнь» наших респондентов, когда они были еще детьми. Никто из родителей респондентов не проводил с детьми какие-либо беседы об интернет-безопасности.

Из ответов студентов следует, что родители зарегистрировались в социальных сетях позже. Н. Х., 22 года: «Разумеется, мои *родители познали этот мир соц.сетей позже меня*, но сейчас они начинают догонять. Например, в инстаграмме у меня скрыты истории от моих родителей, не потому что мне есть что скрывать, а потому что я считаю, что иногда им не стоит видеть, как я себя веду вне дома». Некоторые родители поддерживают общение с детьми, в том числе, через социальную сеть. М. С., 18 лет: «Мама зарегистрирована в Instagram, активно смотрит, лайкает мои фотографии. Но *я чувствую себя более уверенно в сети, чем старшие родственники».* Студенты наблюдают, что родителям сложнее осваивать новые технологии, им надо помогать. А. Г., 23 года «Приходится много объяснять, потому что *они бояться осваивать все «методом тыка»,* у нас такого страха нет». (сохранена стилистика и орфография респондентов).

Означает ли это, что цифровым аборигенам всегда все интуитивно понятно и никакие платформы не вызывают затруднений? Есть ли сейчас социальные сети, в которых они не чувствуют себя как рыба в воде? И. Т., 23 года: «Сейчас только *Facebook для меня проблема*. Мне кажется, что это из-за того, что он больше подходит для иностранцев, у нас другие потребности, в отличие от них»; С. Л., 23 года: «Для диплома бакалавра мне *нужно было* продвигать онлайн курсы с помощью фейсбука, и это не совсем продуктивно, когда ты не разбираешься в соц.сети и она тебе еще и мягко говоря не нравится»; Е. Щ., 23 года: «Я не люблю WhatsApp, *ужасная сеть, где родственники меня закидывают картинками с поздравлениями из одноклассников*, странными видосиками и прочим. Если бы мама освоила (наконец) Telegram, то *я бы тут же удалила все*»; А. Л., 18 лет: «Я везде себя чувствую как рыба в воде!» (сохранена стилистика и орфография респондентов).

Получается, что молодые пользователи социальных сетей предпочитают «свои», наиболее популярные у молодежи, платформы, в них они чувствуют себя комфортно, а «сети для взрослых»

вызывают у них затруднения или раздражение. Они не стремятся осваивать эти пространства, поскольку в этом они не видят никакой необходимости (если только их не подталкивает к этому учебная или профессиональная задача).

Молодежь покидает одни и «заселяет» новые платформы, когда что-то становится более популярным. Так происходило с «перемещением» молодежи из ВКонтакте в Инстаграм, сейчас на смену Youtube приходит TikTok. В этом случае, освоение наиболее популярных в их среде социальных сетей воспринимается как нечто «продвинутое». Прежние сети становятся для них пережитком прошлого. Молодежь все время переходит на новые платформы, делает это быстро и с удовольствием. И. Ж., 23 года: «Забросил FB, и открыл для себя убийцу времени номер один. TicToc. Первый *забросил, потому что там сидят взрослые люди, у них свой мир*. В TicToc есть креативные авторы»; Д. П., 23 года: «К регистрации в новой соцсети подталкивает наличие контента, которого нет в других соцсетях, либо тот факт, что *все пользуются, а я что-то упускаю и не понимаю* (так было с инстаграмом) Чуть меньше года назад *начала пользоваться тиктоком* (смотреть, не снимать). Это последняя новая соцсеть в моем арсенале»; И. Т., 23 года: «Я недели 3 назад зарегистрировалась в тик токе. Я сделала это, потому что *там много крутых инструментов* для того, чтобы сделать видео более интересным. А я, к тому времени, начала участвовать в проекте телеканала Россия 1 #россиятанцуетдома и мне хотелось делать видео более интересными, чем просто снял и смонтировал» (сохранена стилистика и орфография респондентов).

Как в этой ситуации цифровые иммигранты, которые не расположены к постоянному освоению цифровых инноваций, могут формировать цифровую грамотность молодежи на принципах «культуры участия»? Вопрос, который требует отдельной дискуссии.

Многие участники нашего исследования практически не имели опыта взаимодействия в социальных сетях со своими школьными учителями. Н. Х., 22 года: «*Во время учебы в школе общение в интернете было только со сверстниками*»; Е. Щ., 23 года: «Никаким образом, в никаких форматах общение с учителями, к счастью, в социальных сетях или в мессенджерах не было». Некоторые респонденты вспоминают, что поддерживали обратную связь с учителями в социальных сетях, но не по вопросам учебы. И. Т., 23 года: «Конечно, с учителями общалась, многие у меня до сих пор в друзьях в одноклассниках, и мы с ними общаемся. Но *учебная работа происходила, в основном, в школе и посредством общения по телефону*» (сохранена стилистика и орфография респондентов).

Если бы участникам фокус-группы в школьные годы предложили уроки цифровой грамотности, то о социальных сетях они хотели бы узнать следующее. Е. В., 23 года: «На тот момент я бы хотела узнать, какие «подводные камни» есть в интернет-пространстве, *чего стоит опасаться* и что делать не нужно. И что делать в случае, если что-то плохое уже случилось»; И. Т., 23 года: «Если бы у меня был предмет по цифровой грамотности, то я бы хотела узнать *о всех возможностях*, которые дают социальные сети, потому что их очень много, но не все они на виду и на слуху»; А. Л., 18 лет: «Я думаю, что на этом уроке бы я скучала, потому что я *сама находила все что мне нужно было*»; М. С., 18 лет: «Я чувствовала себя более продвинутой, по сравнению со старшим поколением. Мне, скорее всего, не был бы интересен предмет цифровой грамотности, я бы больше хотела, *чтобы в школе нас обучали пользоваться разными приложениями*, например: фотошоп, анимация, создание интересных презентаций» (сохранена стилистика и орфография респондентов).

Вопрос безопасности для молодежи важен, но не менее важны и интересны возможности социальных сетей. Однако в современном профессиональном дискурсе о цифровой грамотности доминирует акцент «взрослых» на интернет-безопасности. Если мы посмотрим на контент российского сайта цифроваяграмотность.рф, то статьи и видео о социальных сетях посвящены преимущественно вопросам безопасности, и практически ничего нет о возможностях этих популярных платформ. У человека, который не знаком с социальными сетями и зашел на этот сайт, может создастся представление, что социальные сети – это пространство исключительно угроз.

Молодые люди заинтересованы в уроках цифровой грамотности, но в таких, которые будут повышать уровень *владения* социальными сетями и позволят им быть более успешными в сетевой культуре. В этом контексте, к сожалению, респонденты не видят учителей в роли наставников.

Что касается преподавателей вузов, то те из них, чей предмет обязывает к владению социальными сетями, могут восприниматься студентами как эксперты. Н. С., 19 лет: «Наверное есть, тк учусь на специальности, где и изучают информационную безопасность, преподаватели очень сильно владеют соц. сетями и прочими сайтами»; И. Т., 23 года: «Думаю, что *преподаватели-практики* <…> дадут фору студентам. Они лучше владеют сервисами и механизмами соц. сетей. *В написании текстов явно даст фору* <…>, она знает, как сделать текст интересным именно в соц. сетях»; И. Ж., 23 года: «У преподавателей *богаче язык*. И как правило преподаватели менее открыты, и не активно ведут страницы»; Д. П., 23 года: «Не могу сказать, что кто-то из преподавателей настолько активно пользуется соцсетями» (сохранена стилистика и орфография респондентов).

Наше исследование однозначно указывает на изменение отношения студентов к социальным сетям, когда они начинают использоваться в учебных целях. А. Г., 23 года: «К экспансии учебным процессом пространства социальных сетей я *отношусь скорее негативно*, чем позитивно»; Д. П., 23 года: «Отношение в связи с учебой немного меняется, *соцсеть меньше нравится и приносит удовольствие*. К счастью, это происходит только со ВКонтакте. Конечно, переписываться в соцсетях удобнее, но радость от их использования это уменьшает»; Е. М., 23 года: «*Иногда не хочется заходить в Вконтакт, так как в группе по учебе будет много сообщений*. Мне кажется онлайн формат обучения очень удобным. *Просто отдыхать я иду в инстаграм и в тик ток*))» (сохранена стилистика и орфография респондентов). И это мы слышим на фоне того, что многие преподаватели делают социальную сеть ВКонтакте каналом оперативной обратной связи, осваивают новые интерактивные форматы учебной работы на этой платформе, стремятся к развитию цифровых навыков своих студентов в духе «культуры участия». Как видим, обнаруживаются проблемные аспекты «паломничества» педагогов в социальные сети.

Ощущают ли студенты нехватку знаний или навыков в социальных сетях, несмотря на свой большой пользовательский опыт? Если у них появляется потребность искать специальные ресурсы для работы или творчества в социальных сетях, то кто или что может стать для них источником экспертного знания? И. Т., 23 года: «Когда я решила сделать графическое меню для своей группы во ВКонтакте, я не смогла разобраться в этом сама и пришлось *прибегнуть к помощи YouTube*. Бывает, когда хочу сделать что-то новое в плане контента, я изучаю новые программы и их возможности. Больше всего пользуюсь YouTube, книгами. *Прислушиваюсь к рекомендациям блогеров*, людей, которые делают нечто похожее, что хочу сделать я»; А .Г., 23 года: «Часто сталкиваюсь с использование новых программ, но сейчас это не составляет большого труда, так как много информации представлено в интернете»; А. Л., 18 лет: «Да, я пользуюсь доп. ресурсами для разнообразия моего контента в сети. *Видео на ютьюб, аккаунты инста-блогеров*. Прислушаюсь к личностям которые живут в среде связанной с тем, что мне нужно»; Д. П., 23 года: «*Прислушиваюсь к мнению друзей и одногруппников*, если они разбираются в теме»; Н. Х., 22 года: «Интернет ресурсы для получения знаний использую всевозможные какие только могу найти, при этом *ни к кому не обращаюсь за помощью, стараюсь искать сам*»; Е. М. 23 года: «Мне недавно интересно было узнать профессиональное мнение насчёт визуала инстаграма и создания историй, поэтому *смотрела вебинары* на эту тему. Личные рекомендации я могу принять только от тех людей, у которых в данном вопросе действительно *виден результат*»; С. Л., 23 года: «Прислушаюсь к личным рекомендациям *преподавателей онлайн-курсов, которые я прошла и которые заслужили доверие*» (сохранена стилистика и орфография респондентов).

Таким образом, данное исследование иллюстрирует многие из вышеописанных проблем и раскрывает детали сохраняющегося цифрового разрыва между молодежью и их родителями, учителями, преподавателями. В роли наставников и референтных групп для активных пользователей социальных сетей могут выступать только другие активные пользователи, но «продвинутого уровня». Таков эффект виртуальной инкультурации молодежи на принципах «культуры участия».

Стремительные изменения в мире сетевых цифровых коммуникаций вынуждают регулярно обновлять измерительные индексы цифровой грамотности [13]. Однако необходимо принципиально пересмотреть сам подход к определению моделей и спектра измерительного инструментария цифровой грамотности молодежи. В этот процесс необходимо вовлекать цифровое поколение, самых активных и продвинутых его представителей. Только тогда мы

сможем адекватно посмотреть на принципы и способы формирования цифровой грамотности молодежи.

Передовые цифровые социальные практики рождаются через взаимодействие молодых людей в социальных сетях. Вся индустрия цифровых технологий (а не наоборот) работает на «обслуживание» потребностей участников виртуально-сетевой культуры. В этой логике нормы и стандарты цифровой грамотности нельзя «спускать» сверху-вниз, лучше их формировать совместно. Нужны новые образовательные технологии и методики, где учитель является модератором, а источниками знания выступают сами ученики и качественные интернет-ресурсы. В идеале – это должно происходить в «культуре участия» – через взаимодействие, создание и трансляцию ценностей, творение цифровой семиосферы.

Благодарности: автор выражает благодарность Российскому фонду фундаментальных исследований (РФФИ) за финансовую поддержку исследовательского проекта «Культура сетевых полупубличных коммуникаций цифрового поколения» (№ 18-011-00225, 2018), на основании материалов которого была подготовлена данная статья.

Список литературы

1. Культура сетевых коммуникаций и цифровая грамотность / А. П. Глухов, М. Н. Бычкова, И. В. Гужова [и др.]; науч. ред.: А. П. Глухов. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 106 с. – Текст : непосредственный.
2. Мифы о «поколении Z» / Н. В. Богачева, Е. В. Сивак ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – Москва : НИУ ВШЭ, 2019. – 64 с. – (Современная аналитика образования. № 1 (22)). – URL: https://ioe.hse.ru/data/2019/05/22/1508315340/САО%20(1)22%20электронный.pdf (дата обращения: 30.06.2020). – Текст : непосредственный.
3. Сапрыкина, Д. И. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей / Д. И. Сапрыкина, А. А. Волохович ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – Москва : НИУ ВШЭ, 2020. – 32 с. – (Факты образования № 4 (29)). – URL: https://ioe.hse.ru/fao_distant#5 (дата обращения: 08.07.2020). – Текст : непосредственный.
4. Солдатова, Г. У. Стратегии учительской медиации цифровой активности школьников глазами подростков / Г. У. Солдатова. – Текст : непосредственный // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей и материалов международной конференции «Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: от цифровой культуры к киберкультуре, 12–14 февраля 2020, Коломна / под общ. ред. Р. В. Ершовой. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2020. – С. 379–383.
5. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире / Г. У. Солдатова. – Текст : непосредственный // Социальная психология и общество. – 2018. – Том 9. – № 3. – С. 71–80. – DOI: 10.17759/sps.2018090308.
6. Сопротивление бесполезно: COVID-19 ускорил цифровую диффузию. – 2020. – URL: http://www.tsu.ru/news/soprotivlenie-bespolezno-covid-19-uskoril-tsifrovu/ (дата обращения: 07.07.2020). – Текст : электронный.
7. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе / Т. А. Аймалетдинов, Л. Р. Баймуратова, О. А. Зайцева, [и др.]. Аналитический центр НАФИ. – Москва : Издательство НАФИ, 2019. – 84 с. – URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2019/10/digit-ped.pdf (дата обращения: 16.05.2020). – Текст : непосредственный.
8. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова, Е. Ю. Зотова. – Москва : Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с. – URL: https://www.ifap.ru/library/book536.pdf (дата обращения: 15.05.2020). – Текст : непосредственный.

9. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии / А. В. Клягин и др. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – Москва : НИУ ВШЭ, 2020. – 112 с. – (Современная аналитика образования. – № 6 (36)) – URL: https://ioe.hse.ru/data/2020/05/26/1551527214/CAO%206(36)_электронный.pdf (дата обращения 07.07.2020). – Текст : непосредственный.

10. Boyd, D. It's Complicated: the Social Lives of Networked Teens. – Yale University Press, 2014. – 281 p. – Текст : непосредственный.

11. Jenkins, H. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century / H. Jenkins, K. Clinton, Purushotma etc. – Текст : непосредственный // An occasional paper on digital media and learning. The MacArthur Foundation. – 2006. – URL: http://www.newmedialiteracies.org/wp-content/uploads/pdfs/NMLWhitePaper.pdf (accessed: 20.06.2020).

12. Ito, M. Hanging Out, Messing Around, and Geeking Out: Kids Living and Learning with New Media / M. Ito, S. Baumer, M. Bittanti etc. – The MIT Press, 2010. – 441 p. – Текст : непосредственный.

13. Chetty, K. Bridging the digital divide: measuring digital literacy / K. Chetty, L .Qigui, N. Gcora etc. – Текст : непосредственный // Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal. – 2018. – 12 (2018-23). – Pp. 1–20. – URL: http://dx.doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2018-23 (accessed: 05.07.2020).

PROBLEMATIC ASPECTS OF DEVELOPMENT YOUTH DIGITAL LITERACY IN SOCIAL MEDIA

Guzhova I. V., Tomsk State University, Tomsk, ivguzhova@mail.tsu.ru

Using social media for educational purposes, educators have to take responsibility for increasing digital literacy – for themselves and youth. However, the digital generation is more active and advanced social media users and does not perceive teachers and lecturers as mentors. The article provides an overview of recent research that uncovers problematic aspects of this digital divide. Among them are resistance to innovations from the representatives of the older generation, the formalism of the education system and the lack of educational technologies corresponding to the challenges, the marginalization of "adult institutions" (school, family) in the network culture, which traditionally determined literacy standards, etc. The article also presents the results of a focus group with students who describe their experience of exploration of the space of social media. It was a "virtual inculturation" experience without adults. We identified referential groups for young people and factors that increase their digital literacy in social media.

Keywords: digital literacy, social media, participatory culture, youth.

References

1. Gluhov, A. P., Buchkova, M. N., Guzhova, I. V., Okushova, G. A. & Stahovskaya, Y. M. (2019). *Kul'tura setevyh kommunikacij i cifrovaya gramotnost'* [Network Communication Culture and Digital Literacy]. Tomsk, Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Publishing House of Tomsk state University], 106 p. (in Russ.).

2. Bogacheva, N. V. & Sivak, E. V. (2019). Mify o "pokolenii Z" [Myths about "Z generation"]. *Sovremennaya analitika obrazovaniya* [Modern Education Analytics]. Moscow, Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya [National Research University Higher School of Economics, Institute of education], 64 p., available at https://ioe.hse.ru/data/2019/05/22/1508315340/CAO%20(1)22%20электронный.pdf. (accessed: 30.06.2020) (in Russ.).

3. Saprykina, D. I. & Volohovich, A. A. (2020). *Problemy perekhoda na distancionnoe obuchenie v Rossijskoj Federacii glazami uchitelej* [Problems of Transition to Distance Learning in the Russian Federation through the Teachers View]. Fakty obrazovaniya [Facts of education]. Moscow, Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya [National Research University Higher School of Economics, Institute

of education], 32 p., available at https://ioe.hse.ru/fao_distant#5 (accessed: 08.07.2020) (in Russ.).

4. Soldatova, G. U. (2020). Strategii uchitel'skoj mediacii cifrovoj aktivnosti shkol'nikov glazami podrostkov [Strategies for Teacher Mediation of Digital Activity of Schoolchildren through the Teenagers View]. *Cifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka: sbornik nauchnyh statej i materialov mezhdunarodnoj konferencii «Cifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka: ot cifrovoj kul'tury k kiberkul'ture*. [Digital Society as a Cultural and Historical Context of Human Development: collection of scientific articles and materials of the international conference " Digital Society as a Cultural and Historical Context of Human Development: from Digital Culture to Cyberculture], Kolomna: Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet [Kolomna: State Social and Humanitarian University], Kolomna, pp. 379–383. (in Russ.).

5. Soldatova, G. U. (2018). Cifrovaya socializaciya v kul'turno-istoricheskoj paradigme: izmenyayushchijsya rebenok v izmenyayushchemsya mire [Digital Socialization in the Cultural and Historical Paradigm: a Changing Child in a Changing World]. *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], T. 3, №9, pp. 71-80. Doi: 10.17759/sps.2018090308 (in Russ.).

6. *Soprotivlenie bespolezno: COVID-19 uskoril cifrovuyu diffuziyu* [Resistance is Useless: COVID-19 Has Accelerated Digital Diffusion]. Avaliable at http://www.tsu.ru/news/soprotivlenie-bespolezno-covid-19-uskoril-tsifrovu (accessed: 07.07.2020) (in Russ.).

7. Ajmaletdinov, T. A., Bajmuratova, L. R., Zajceva, O. A., Imaeva, G. R. & Spiridonova, L. V. (2019). *Cifrovaya gramotnost' rossijskih pedagogov. Gotovnost' k ispol'zovaniyu cifrovyh tekhnologij v uchebnom processe* [Digital Literacy of Russian Teachers. Readiness to Use Digital Technologies in the Education Process]. Izdatel'stvo NAFI [NAFI publishing house], pp. 84, available at https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2019/10/digit-ped.pd (accessed: 16.05.2020) (in Russ.)

8. Soldatova, G. Y., Nestik, T. A., Rasskazova, E. I. & Zotova, E. U. (2013) Cifrovaya kompetentnost' podrostkov i roditeley. Rezultaty vserossyiskogo issledovanya [Digital Competence of Teenagers and Parents. All-Russian Study Results]. *Fond razvitya internet* [Internet Development Fund]. pp. 144, available at: https://www.ifap.ru/library/book536.pdf. (accessed: 15.05.2020) (in Russ.).

9. Klyagin, A. V. & dr. (2020). *Shtorm pervyh nedel': kak vysshee obrazovanie shagnulo v real'nost' pandemii* [Storm of the First Weeks: How Higher Education Stepped into the Reality of the Pandemic]. Moscow, Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya [National Research University Higher School of Economics, Institute of education], 112 p., available at: https://ioe.hse.ru/data/2020/05/26/1551527214/CAO%206(36)_электронный.pdf (accessed: 07.07.2020) (in Russ.)

10. Boyd, D. (2014). *It's Complicated: the Social Lives of Networked Teens*. Yale University Press, 281 p.

11. Jenkins, H., Clinton, K. & Purushotma etc. (2006). Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century. *An occasional paper on digital media and learning. The MacArthur Foundation,* available at: http://www.newmedialiteracies.org/wp-content/uploads/pdfs/NMLWhitePaper.pdf (accessed: 20.06.2020).

12. Ito M., Baumer S., Bittanti M. etc. (2010) Hanging *Out, Messing Around, and Geeking Out: Kids Living and Learning with New Media*. The MIT Press, 441 p.

13. Chetty K., Qigui L., Gcora N. etc. (2018). Bridging the digital divide: measuring digital literacy. *Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal*, 12 (2018-23): 1–20, available at: http://dx.doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2018-23 (accessed: 05.07.2020)

Гужова Ирина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

ivguzhova@mail.tsu.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гужова И. В. Проблемы формирования цифровой грамотности молодежи в социальных сетях // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4 (38). С. 14–25. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10402.

Guzhova I. V. Problematic aspects of development youth digital literacy in social media // Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2020. No 4 (38), pp. 14–25. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10402.